Двадцатое мая, среда; 2037 год; булочная «chez Mary»; 01:33.

Пережившим Буйство стихий и последующее за ним безумие, порой бывает очень сложно отличить ночной кошмар от реальности. И особенно тяжело приходится таким людям как миссис Мари. С десяти вечера она безуспешно пыталась уснуть, ведя неравную борьбу с переживаниями, источником которых служило дорогое её сердцу рыжее Солнышко. Порой ей хотелось подняться с постели и наведаться к ней в комнату, чтобы лишний раз удостовериться в том, что с её девочкой всё хорошо и она крепко спит. Но здравый смысл удерживал Мари на месте, принуждая и дальше безуспешно бороться с бессонницей. И вот стоило ей только заснуть, как кошмар снова пробрался в реальность, обретя форму далёкого грохота, что разнёсся по тихим улочкам населённого пункта.

Мари резко села в постели и ещё долгое время не могла понять, было это во сне или взаправду? Она смотрела на приоткрытое окно, прислушиваясь к гулу производственной зоны и топоту солдат, который являлся неотъемлемой частью звукового сопровождения для всей сегодняшней ночи. Такого раньше никогда не было, но тётю Мари это не особо заботило. Она лишь невольно взглянула на часы и, увидев, что ещё только начало второго, решила продолжить мучительные попытки избавиться от тревоги и поскорее уснуть. Но и вторая попытка была обречена на провал, так как стоило ей на мгновение окунуться в сладкую дрёму, как вдалеке прогремел винтовочный выстрел.

На этот раз у тёти не осталось сомнений, что произошедшее является частью кошмара, именуемого «реальная жизнь». Слишком уж часто ей доводилось слышать звуки стрельбы. Она даже смогла примерно определить район города, в котором стреляли. Поэтому тётушка не стала надолго заострять на этом внимание, а только лишь обречённо вздохнула, мысленно воззвав к Богу с вопросом, когда же всё это закончится?

Закрыв глаза, тётя снова опустила голову на подушку и сделала глубокий вдох, но с облегчением выдохнуть не успела, так как в этот момент дом вздрогнул, что аж ложка в чашке со звоном подпрыгнула, и только секунду спустя тишину нарушил раскатистый взрыв. Вот теперь она испугалась по-настоящему и вскочила с кровати.

С трудом отыскав халат, Мари первым делом забежала в комнату Элиан и едва удержалась в сознании, когда даже Диану в ней не застала. И хотя их отсутствие было очевидно, тётя всё равно осмотрела каждый тёмный уголок крохотной комнатки. Мысленно она уже успела похоронить своих девочек и едва не проследовала за ними, пока не услышала заливистый смех и недовольное бурчание Энио. У неё аж слёзы на глазах навернулись, настолько она не поверила своему чуду и поспешно сбежала вниз по ступеням.

— С вами всё в порядке?! — едва сдержав слёзы, сказала она и посмотрела на Энио, стоящую за прилавками в одной тоненькой, насквозь мокрой спереди маячке.

— Нет, — сказала Энио и рассмеялась, — я вся мокрая из-за вот этой вот, маленькой…

Диана захохотала и попыталась стянуть с неё майку, но тут же получила по рукам.

— Ты что делаешь?!

— Ты сказала всё снимать!

— Не настолько всё, глупая!

Девочки начали толкаться и их радостный, заливистый смех окончательно развеял все переживания тётушки. Она даже решила, что этот взрыв действительно являлся лишь частью ночного кошмара. Но в этот момент мимо булочной пронёсся чёрный внедорожник, а следом за ним бронированный фургон без опознавательных знаков. Чем не свидетельство того, что кошмар снова пробрался в реальность? Однако тёте показалось странным, что девочки совсем не напуганы. Поэтому она решила узнать, слышали ли они этот грохот?

Энио нахмурила брови и в принципе ожидала, что поднятый ей шум не услышит только глухой. Но если даже тётя об этом спрашивает, то это значит, что она в очередной раз немного переусердствовала. И насколько немного стало понятно, когда Диана сказала:

— У меня аж кроватка подпрыгнула, и люстра закачалась. Но мне не было страшно! Я даже пошла на землетрясение посмотреть.

— Да это не землетрясение, — тяжело вздохнув, сказала тётя, — но стены ходуном заходили… Думала, всё, дом сейчас рухнет. Видимо опять что-то в порту взорвалось.

«Бедная тётушка», — подумала про себя Энио и решила сделать то, что Элиан никогда бы не сделала. Она стремительно подошла к ней и крепко обняла. Диана тут же последовала её примеру, и тётя наконец не выдержала и тихо заплакала, поглаживая девочек по спинам.

— Не волнуйся, тётушка, всё будет хорошо. Я тебе обещаю.

Тётя встретилась с Энио взглядом, и та мило ей улыбнулась. Девочка и раньше славилась своей необычной аурой, благодаря которой, находящиеся рядом с ней люди, испытывали небывалое умиротворение и тепло. Некоторые даже называли девочку своим блистательным Солнышком, в лучах которого разом забываешь о всех тяготах и горестях жизни. Теперь же это волшебное чувство не просто усилилось в несколько раз, а стало совершенно другим, более искренним, чистым и нежным. Мари поначалу даже растерялась от захлестнувших ей в душу приятных эмоций, вынудивших сердце биться с удвоенной силой. И эффект этого стал только сильнее, когда в памяти тётушки всплыл недавний эпизод, когда Энио, перед походом к морю, взяла её за руки. Именно тогда она впервые заметила в глазах племянницы необычный, приятный сердцу огонёк, совершенно ранее несвойственный её взгляду. И вот теперь это снова случилось, растрогав женщину до глубины души. Она пристально смотрела девочке в глаза и ощущала как свет, бурным потоком льющейся из них, заполняет её тёмную, израненную душу. Благодаря этому тётя не только лишилась прежних тревог, но также впервые за очень долгое

время почувствовала себя по-настоящему счастливой.

Энио нежно опустила голову к тёте на грудь и тогда она наконец смогла понять в чём именно заключается отличие её нынешней ауры. Ранее, нахождение рядом с Элиан, можно было сравнить с пребыванием под палящим солнцем в знойный летний день. И если поначалу ты с удовольствием нежился в его лучиках, то вскоре наступало перенасыщение и то, что совсем недавно приятно согревало, совсем скоро начинало нещадно испепелять. По этой причине тётя Мари порой неосознанно держалась от Элиан подальше, но из-за постоянной работы такое достаточно редко между ними случалось. Поэтому после тяжелого, наполненного сыростью и холодом дня, было очень приятно посидеть с ней за чашечкой кофе.

Теперь же, исходящая от девочки аура, напоминала собой поздний закат, когда палящее солнце уже наполовину скрылось за морской гладью, но ещё продолжает окутывать изнурённое тело нежным теплом, насыщая душу небывалым спокойствием. И если раньше порой хотелось бежать от неё, то теперь тётя искренне желала, чтобы этот момент никогда не заканчивался. Настолько кристально чистой, всеобъемлющей любви, источником которой является её девочка, она ещё никогда не чувствовала. И если все предшествующие этому события казались частью кошмарной реальности, то теперь тётя была преисполнена абсолютной уверенности, что она спит и всё происходящее в данный момент лишь часть на редкость хорошего сна; мимолётной иллюзии, которая совсем скоро безвозвратно забудется. Эта мысль очень расстроила тётушку, но тогда она ещё не подозревала, насколько сильно оказалась права.

Миссис Мари проснулась в начале шестого утра, чтобы поскорее закончить с выпечкой и подготовить булочную к открытию. Едва ли можно назвать четырёхчасовой сон здоровым, но тётя чувствовала себя превосходно, предвкушая начало хорошего дня. Ведь она проведёт его вместе с Элиан, которая хотя и не сможет оказать прежней помощи, но для неё уже было заготовлено место за кассой. Будет просто стоять и завлекать своим волшебным сиянием посетителей, а в частности пожилых дам, которые специально приходят под вечер, чтобы застать её за работой. Им очень нравится рассказывать ей о том, каким был мир до катастрофы, а тёте тайно наблюдать за тем, как Элиан делает заинтересованный вид и даже иногда отвечает.

Спускаясь на первый этаж, тётушка замерла у двери в её комнату и прислушалась к царящей за ней тишине, борясь с желанием тайком подглядеть за тем, как безмятежно спят дорогие ей девочки. Но в конце концов улыбнулась и решила не тревожить их покой.

Присев на последней ступени, тётя переобула домашние тапочки на беговые кроссовки и, не глядя, щёлкнула выключателем, но свет, к её изумлению, не загорелся. На какой-то миг она подумала, что дом обесточен, но в спальне, как и на лестнице, свет был. Не могли же перегореть все шесть лампочек сразу?

Почесав в затылке, тётя Мари завернула за угол и, сделав всего несколько шагов вдоль прилавков, вскрикнула, когда разглядела во тьме очертания хрупкой девичьей фигурки, сидящей на полу возле двери в туалет. По растрёпанным волосам и ночной рубашке, тётя почти сразу узнала в ней Элиан, но ещё какое-то время была не в состоянии вымолвить хоть слово. Она неотрывно смотрела за тем, как девочка неподвижно сидит, прижав ноги к груди, и,

понурив голову, держит у рта белое полотенце.

— Эличка? — дрожащим голосом сказала тётушка.

Элиан резко выпрямилась, открыв её взору сияющие цветом магмы глаза. Во тьме они выглядели настолько яркими, что можно было даже разглядеть как в них переливается тёмно-красное пламя. Вот только так продолжалось всего пару мгновений. Ведь стоило только девочке единожды моргнуть, как сияние исчезло, а глазам тут же вернулся данный им от природы цвет.

Тётя едва не лишилась от ужаса чувств, но всё же смогла очень быстро собраться, списав увиденное на недосып и игру света. В конце концов какого-либо другого рационального объяснения увиденному ей найдено не было. Да и она не особо стремилась его отыскать. Сейчас куда сильнее её заботило состояние девочки, бледная кожа которой сияла во мраке лунным светом.

Присев на пол рядом с Элиан, тётушка разлила стакан с водой, стоящий возле неё, намочив не только подол её ночной рубашки, но даже нижнее бельё.

— Чёрт, смотри, что ты наделала, — сказала Элиан и с трудом, но всё же резко поднялась на ноги.

— Прости меня, я не заметила. Давай вытру, — чуть не плача, сказала тётя и безуспешно попыталась взять у неё полотенце. — Что с тобой?

«У меня к тебе такой же вопрос», — подумала она про себя, но в итоге воздержалась от грубости и сказала:

— Меня тошнит.

И это действительно было так. Элиан проснулась в районе трёх утра и с тех самых пор провела ночь внизу, не проспав ни минуты. Даже малейший глоток воды вызывал у неё сильную рвоту и спазмы, которые, казалось, уже никогда не закончатся. Но, с приходом рассвета, девочке стало значительно лучше.

Обо всём этом она холодно и без особого энтузиазма сообщила тётушке, умолчав о том, что снова начала слышать голоса. Но теперь они звучали в её голове настолько чётко, что разобрать их не представляло хоть какой-либо сложности.

Элиан долго к ним прислушивалась и со временем пришла к выводу, что это не просто чьи-то голоса, а мысли. И притом настолько мерзкие, что она едва не закричала, умоляя прекратить и покинуть её голову. Однако простого желания для этого оказалось недостаточно. И девочка потратила уйму сил и времени на борьбу с ними, пока не поняла, что процесс улавливания

чужих мыслей схож с тем, как обоняние улавливает и разделяет запахи один от другого. И тогда она решила, что если нежелательный запах возможно приглушить, просто не обращая на него внимания, так и с чужими мыслями можно поступить аналогично. Достаточно постараться не воспринимать их, не прислушиваться и тогда они сами покинут голову.

Такая тактика оказалась на удивление эффективной. И совсем скоро Элиан окончательно очистила свой разум и обрела полный контроль над восприятием чужих мыслей. Вот только появление у неё этой силы было далеко не единственным безумным открытием, которое она совершила за эту долгую ночь. Ведь самое интересное ощущение её встретило сразу по пробуждению. Но Элиан долго не осознавала этого, списывая охвативший её разум дурман на плохое самочувствие. Это уже потом, спустя несколько часов мучительной рвоты, она поняла, что может ощущать, а если быть точнее, то видеть далеко за пределами своего поля зрения. Для этого нужно просто сконцентрироваться и почувствовать, как границы собственного восприятия расширяются, заполняя собой улицы, дома и всё вокруг в радиусе десятков километров. Тогда даже самый маленький камушек, представал перед ней огромной скалой, а человек — сгустком энергии, электричества и мерзких мыслей.

Всё произошедшее и испытанное девочкой за эту ночь свидетельствовало только об одном. Но Элиан ещё очень долго отказывалась поверить в реальность своих безумных ощущений, даже когда научилась их более или менее контролировать. Ей казалось, что эти галлюцинации, как и голоса, являются следствием сильного морального и физического истощения. Короче говоря, у неё и в мыслях не было, что это проявления её истинной силы, отголоски которой она всегда в себе ощущала. И только под самое утро Элиан в этом окончательно убедилась, когда почувствовала неразрывную связь с небесным светилом, о которой так часто ей говорила Энио. И тут же воззвала к нему, ощутив, как из неё вырывается огромный поток энергии. Именно в этот момент перегорели все лампочки на первом этаже булочной. И именно после этого она окончательно убедилась в полном и безоговорочном контроле над силой, которую ещё совсем недавно считала собственностью Энио.

Не сказать, что это хоть как-то обрадовало Элиан. Скорее она отнеслась к этому как к должному. Ведь это изначально её сила, а Энио — это лишь отколовшаяся от неё часть, которая не вправе единолично распоряжаться чем-то настолько могущественным, особенно после недавних разногласий. В конце концов девочка даже пришла к выводу, что лучше бы её вообще не существовало. Однако эти рассуждения оказались прерваны позывами к рвоте, а через четверть часа к ней спустилась тётушка, которая по-прежнему сидела на полу и смотрела на неё снизу вверх, едва сдерживая слёзы.

— Наверное, чем-то в школе отравилась, — Элиан озвучила её мысли и после короткой паузы добавила: — И врач мне не нужен. Всё уже почти прошло.

У тётушки сердце кровью обливалось, когда она смотрела в ледяные глаза любимой племянницы, и не могла понять, почему она так резко снова стала такой? Куда подевалась та прекрасная, излучающая тепло девочка, которая всего несколько часов назад одаривала её своими нежными лучиками? Тётя не знала ответов на эти вопросы, но озвучить хотя бы один из них она не решилась.

Элиан невольно прочла её мысли и тяжело вздохнула. Ей стало искренне жаль эту бедную

женщину, хотя и сочла обвинения в холодности несправедливыми. В конце концов она действительно искренне любит свою тётушку и желает ей только добра. Просто у неё выдалась тяжёлая ночка и при мысли об этом девочка улыбнулась, забросила полотенце на плечо и, протянув к ней левую руку, очень ласково сказала:

— Со мной правда всё хорошо, тётушка. Я просто скушала какую-то мерзость. Ну, давай же, вставай.

Тётя взяла Элиан за руку и, поднявшись на ноги, ещё несколько секунд пристально всматривалась в её глаза, желая отыскать в них тот самый огонёк... Но у неё этого не вышло. Тогда тётушка задумалась, что, может быть, она заблуждается и её рыжая девочка всегда была такой. Просто все эти отличия теперь выглядели настолько надуманными и нелепыми, что ей невольно стало немножечко стыдно. Ведь она требует от неё доброты и ласки, совершенно не принимая во внимание тот факт, что Элиан взрослеет, и как любой нормальный подросток начинает постепенно отдаляться от своих родителей. К тому же это вполне доходчиво объясняет резкие перепады её настроения. И вроде бы подобная мысль должна была утешить миссис Мари, но на деле у неё снова хлынули слёзы и она поспешно зашагала в кладовую, посоветовав Элиан поскорее ложиться в постель.

Захватив с собой стремянку и несколько лампочек, тётя вернулась в булочную и застала свою девочку на том же самом месте. Она держала в руке стакан с водой и, улыбаясь, пристально смотрела на неё.

— Давай я тебе помогу, тётушка.

Мари сначала хотела ей отказать и настоять на том, чтобы она шла отдыхать, но не смогла устоять перед её милой улыбкой. И хотя помощь Элиан ограничилась лишь в подавании лампочек, тётушке было очень приятно её получить. Но она ещё долго не могла успокоиться и украдкой утирала слёзы, поглядывая на безразличное выражение лица племянницы. Элиан вроде и была рядом с ней, но мыслями находилась далеко отсюда. И впервые обратилась к тётушке только тогда, когда последняя лампочка была поменяна и в булочной вновь вспыхнул свет.

— Мою школьную юбку уже не спасти? — задумчиво сказала она.

— Я, конечно, попробую, но...

— Ничего страшного. Надену платье, и никто не заметит разницы.

Тётя изумлённо уставилась на неё, надеясь, что ей это послышалось. Но в конце концов не выдержала и сказала:

— Ты хочешь пойти в школу? — Элиан удивлённо посмотрела на неё и молча кивнула. — Даже не вздумай. Ты же плохо себя чувствуешь.

— Бывало и хуже.

— А мистер комендант? Он же запретил тебе выходить из дома.

— Кто он такой, чтобы мне что-то запрещать? Отец? Или он сам за меня тест напишет?

— Но…

— Мне наплевать, что он там кому запретил. Пускай арестовывает или по крайней мере попробует. Хочу на это посмотреть.

Всё это было говорено настолько злобным тоном, что тётя не решилась ей перечить. Однако перед тем, как Элиан, отказавшись от завтрака, зашагала к себе, тётушка решила в последний раз попробовать облагоразумить её, надавив на то, что она всё равно не сможет писать. Но, подымаясь по лестнице, девочка съязвила, сказав, что для проставления галочек в тесте руки вообще не нужны.

Не то чтобы Элиан так сильно хотела в школу, что была готова осмысленно мучить себя. Просто девочке становилось дурно при одной только мысли о необходимости посещать летние занятия, когда там никого кроме учителей и парочки болванов не будет. В таком случае ей легче вообще бросить учёбу, о чём она уже неоднократно задумывалась.

Вернувшись в комнату, Элиан застала свою соседку всё ещё спящей и решила сама хотя бы часик вздремнуть. И в итоге проснулась только в начале девятого от звука рассыпавшихся по полу карандашей.

Как это обычно бывает, короткий и беспокойный сон только ухудшил её самочувствие. Однако она рассердилась не из-за этого. Элиан была зла на свою тётю, которая мало того, что не разбудила её, так и ещё запретила Диане шуметь. Для такого поспешного вывода даже не потребовалось проникать в её разум. Этому свидетельствовала жующая булочку девочка, собирающая карандаши. Ведь очевидно, что она не сама спустилась за завтраком.

Выскочив из постели, Элиан попросила Диану помочь переодеться, стараясь сдержать негодование тётушкой в себе и не повышать голос. В конце концов эта маленькая художница была ни в чём не виновата и в каком-то смысле даже выручила её своей нерасторопностью. Да и времени закатывать истерику не было, так как её блистательной красоты подруга уже видела вдалеке витрину булочной и Хосино, одиноко стоящую сразу напротив неё. Накрапывал слабенький дождик, поэтому Эльке показалось немножечко странным, что она стоит на улице.

— Привет, Элиан сейчас выйдет?

— Доброе утро, — Хосино слегка поклонилась и продолжила: — Не знаю, я не заходила внутрь.

Эльке вопросительно уставилась на неё и жестом предложила войти в булочную. Элиан как раз в этот момент спускалась по лестнице. Тётя не видела её, поэтому поспешила к девочкам и уже намеревалась сказать, что её рыжее Солнышко приболело. Но вовремя остепенилась и почувствовала укол страха, когда Элиан прокричала:

— Эльке, завяжи мне шнурки, пожалуйста!

— Хорошо! — радостно сказала она и только сейчас заметила, что с миссис Мари что-то не так. Да и Элиан сегодня сама на себя не похожа. Но они уже опаздывали в школу, поэтому Эльке не стала заострять на этом внимание, а лишь отметила про себя, что вчера она выглядела более милой и жизнерадостной.

«Чёрт, и ты туда же…» — цокнув языком, подумала про себя Элиан и с укоризной во взгляде посмотрела на тётю, вынудив её виновато отвернуться и скрыться за кассой.

— Ну и бардак у тебя на голове. Почему хвостик не сделала? — в шутку сказала Эльке, мило улыбнувшись.

— Ты как себе это представляешь с одной-то рукой?! — огрызнулась Элиан.

— Прости, давай я…

— У нас нет на это времени.

Пока Эльке завязывала шнурки, Хосино с интересом разглядывала интерьер булочной и принюхивалась к чудесному аромату свежей выпечки, а когда приблизилась к ним, то чисто из вежливости сказала:

— Что-то ты плохо выглядишь.

До этой фразы Элиан даже не замечала присутствие Хосино, поэтому сначала сильно удивилась, а потом рассмеялась и сказала:

— Плохо выгляжу, значит… Ещё бы! Я надела рубашку на платье!

Девочки рассмеялись и действительно, вместо школьной юбки, на ней было надето чёрное платье, которое, тем не менее, не плохо смотрелось с тёмно-синим пиджаком. Далеко не каждый заметил бы разницу, если б не его длина. Но в каком-то смысле так Элиан выглядела даже более женственной и привлекательной. Вот только в школе вряд ли одобрят настолько короткую юбку.

Уходя, Элиан не взяла зонт и даже не удосужилась попрощаться, чем очень сильно расстроила

тётушку. А ведь она хотела как лучше, а получилось так, что дорогая племянница теперь ненавидит её. По крайней мере миссис Мари пришла к такому выводу и, бросив работу, побежала искать утешения у ласковой Дианы, которая уже льнёт к ней как к родной матери.

Хлещущий всё утро дождь к этому времени начал постепенно заканчиваться, но это нисколечко не объясняло того, почему Элиан не взяла с собой зонт и идёт счастливой походкой чуть впереди. И когда Эльке решила её об этом спросить, то рыжая девчонка рассмеялась и сказала, что где-то потеряла его, а запасного у неё нет. Да он и не особо ей нужен.

Естественно, что Эльке такой ответ не устроил и она сначала чуть ли не насильно убрала её влажные волосы в хвост, а после приказа идти вместе с ней под зонтом.

— Какая же ты строгая и заботливая, прямо как старшая сестра! — улыбаясь, сказала Элиан и нежно взяла её под руку, ожидая бурной реакции, но девочка лишь напряглась и приказала поторапливаться. Не такую реакцию она ожидала. Точнее даже сказать у неё и в мыслях не было, что Эльке её испугается. А то чувство, от которого значительно участился её пульс, никак иначе как страхом не назовёшь.

Элиан долго присматривалась к Эльке, борясь с желанием пробраться к ней в разум и разузнать в чём, собственно, дело. Но в конце концов не стала этого делать и умышленно покрыла своим восприятием всю жилую зону. Она не ставила перед собой какой-то конкретной задачи, а просто наблюдала за происходящим вокруг. Ведь для неё это были совершенно новые, удивительные ощущения, открывающие перед ней целый город.

Она ощущала буквально каждую муху, без устали бьющуюся в немытое окно, а что уж говорить о людях, которые предстали перед ней как раскрытые книги. Достаточно всего одного беглого взгляда на любого из них, как длинная история очередного незнакомца раскрывалась и начинала играть всевозможными красками. Правда в большинстве своём эти краски были либо очень депрессивных тонов, либо мерзких настолько, что Элиан невольно хмурила брови. Ей было очень тягостно проникать в порочные, порой очень грязные мысли основной массы людей, ненависть к которым с каждой минутой заметно усиливалась. И только когда она невольно прикасалась своим восприятием совсем ещё юных детей, на её лице появлялась едва заметная улыбка. Считывая их короткие, обрывистые воспоминания, Элиан чувствовала, как сама очищается, вкушая их доброту и безгрешность. Однако она прекрасно в этот момент сознавала, что пройдёт год, два, и больное общество большинство из них деформирует, искалечит, а кого-то даже жестоко убьёт, замучает до смерти или сломает, сделав очередного дьявола из милого ангела. А что может поделать с этим она? Как ей защитить всех этих милых существ, которые ещё не поняли среди кого их угораздило появиться на свет? Элиан не знала ответов на эти вопросы, но стоило ей поглубже уйти в размышления, как она мило вскрикнула и огляделась.

— Что с тобой? Что-то забыла? — сказала Эльке.

— Не-а, просто я только сейчас поняла, насколько же ты хорошая девочка, — рассмеявшись, сказала Элиан. На этот раз её атака возымела эффект и Эльке смущённо потупилась. А ведь

она даже не рассчитывала на такой результат. Это была лишь констатация факта, что её дорогая подруга прожила в этом обществе ровно столько же, сколько и она, оставшись всё тем же милым ангелочком с добрым сердцем.

Элиан не сомневалась, что рано или поздно общество сломает её. Однако думать об этом сейчас было не самой лучшей идеей. А проблема заключалась в том, что она совершенно случайно обнаружила своим восприятием знакомые ей золотые часы на цепочке. Они лежали во внутреннем кармане пиджака незнакомца, абсолютно невидимого для её силы. Но где она могла раньше их видеть? У Элиан ушла пара долгих минут на размышления, прежде чем она вспомнила, что эта дорогая безделушка принадлежит вчерашнему преследователю. По крайней мере это следовало из мутных, неясных воспоминаний, оставшихся от Энио.

Неосознанно прижавшись к смущённой подруге, Элиан сконцентрировала на незнакомце своё восприятие и помимо часов смогла обнаружить несколько подозрительных вещиц, которые находились в непосредственной близости от него. Они лежали или, лучше сказать, парили над столом и представляли собой несколько пружин, винтов и прочих мелких металлических деталек. Ничего более Элиан разглядеть не удалось, да и она не особо старалась. Ведь ей сразу стало понятно, что это большая винтовка довоенного образца, так как современное оружие невозможно обнаружить при помощи силы. А это значит, что этот мерзавец задумал либо защитить её от возможного нападения, либо прикончить. В конце концов по какой-то из этих двух причин он и занял квартиру на третьем этаже дома, находящегося в конце улицы, на которой расположена школа.

Стрелять из огнестрельного оружия в человека, обладающего силой, очень и очень глупо, но только в том случае, если у него в данный момент установлена связь, что не составляет труда определить даже с большого расстояния. Да и насколько бы не был силён тот или иной человек — скрытная, неожиданная атака всегда оказывается смертельной. По крайней мере на это рассчитывал незнакомец, сделавший себе на этом карьеру.

Он наблюдал за школьными воротами в перекрестие огромной снайперской винтовки, ожидая появления своей цели. У него был шанс избавиться от Элиан ещё вчера, но она находилась в компании подруги, что вынудило его остепениться и подождать более удачного случая. В конце концов он будет впервые стрелять в совсем ещё юную девочку и по этой причине всю ночь не мог сомкнуть глаз. Возможно, именно поэтому незнакомец решил сделать это издалека. Ему не хотелось видеть её кровь, как и травить бедняжку боевыми отравляющими веществами. К тому же вчерашнее преследование полностью исключило возможность ошибки, ведь до этого у него на руках было только скудное описание цели и вероятность убийства не той девочки была слишком велика. Но теперь он узнает её из тысячи, благодаря своей феноменальной памяти на лица.

Закурив мятую сигарету, незнакомец снова прильнул к оптическому прицелу и начал водить перекрестим по головам идущих в школу детей. Элиан была ещё достаточно далеко и нарочно делала вид, что не смотрит в его сторону. Поэтому мужчина вдвойне заколебался, когда всё же разглядел в прицел её беззаботное, осунувшееся личико. Она лениво брела рядом с Эльке, по-прежнему держа её под руку, и, зевая, смотрела себе под ноги.

Глаза незнакомца вспыхнули алым сиянием, и он раздавил недокуренную сигарету в

пепельнице. После чего передёрнул затвор винтовки, с очень характерным, чётко выраженным пружинным лязгом, и щелчком снял оружие с предохранителя.

— Прости меня, золотце, — прошептал он и замешкался, когда понял, что Элиан смотрит прямо на него и мило улыбается. Их разделяло около двухсот метров, поэтому заметить его с такого расстояния она физически не могла, даже если учесть, что окно было открыто и он не стал маскировать ствол винтовки. Поэтому незнакомец счёл это простым совпадением и, задержав дыхание, положил указательный палец на спусковой крючок. Но ещё долго не решался произвести выстрел, держа перекрестие у девочки на груди. В этот момент он сам не понимал почему медлит. Однако причина этого крылась не в жалости, а в чём-то совершенно другом. Он подсознательно боялся её, но в этом совершенно не было никакого смысла. Ведь по всем признакам у Элиан не была установлена связь, а это значит, что она не сможет защититься и моментально погибнет от разрывной, усиленной пули, медную оболочку которой он наделил отталкивающим силовым полем. Бедняжку просто разорвёт на части, а её подруга, возможно, даже выживет. По крайней мере он так себя утешал, пока снова не сделал глубокий вдох и не приготовился стрелять. Но в этот момент ему в лицо ударил сильный порыв воздуха со стеклянной крошкой, и он повалился на пол вместе со стулом.

Острая боль пронзила всю правую сторону головы незнакомца и этому предшествовал резкий скрежет, сильный удар и тишина. Поначалу он даже не понял, что серьёзно ранен, пока не провёл рукой по лицу и не почувствовал, как она стала липкой от крови.

С большим трудом открыв левый глаз, и, обнаружив прямо перед собой усеянный красными каплями паркет, мужчина лишний раз удостоверился в том, что с его правым глазом случилось нечто ужасное. И все вопросы окончательно отпали, когда он выпрямился и увидел, что из оптического прицела винтовки торчит толстый металлический прут, длиной около полуметра.

Незнакомец сразу же понял, что тот, кто это сделал, не собирался его убивать. Она лишь хотела лишить его глаза и сделала это настолько искусно, что обладала полным правом гордиться собой, продемонстрировав феноменальный контроль над силой. Ведь останови она прут хотя бы на сантиметр позже, то эта демонстрация лишилась бы своего единственного, ныне одноглазого, зрителя и непосредственного участника представления.

Хосино почувствовала аномальные электромагнитные колебания и посмотрела на Элиан именно в тот момент, когда она уже была на грани того, чтобы рассмеяться. Её взгляд был прикован к трёхэтажному зданию прямо напротив и девочке сразу стало понятно, что она смеётся не над его архитектурой, а над тем, что творится в одной из квартир. И коль Хосино не было нужды кого-то стесняться, то уже мгновение спустя её глаза вспыхнули голубым сиянием, и она устремила своё восприятие в направлении дома, мгновенно отыскав то, что искала.

В этот момент незнакомец, истекая кровью, с трудом поднялся на ноги и попятился к стене, ожидая повторной атаки. Но бедолага растерялся настолько, что даже не догадался возвести вокруг себя силовое поле. Да и он попросту не успел этого сделать, так как уже в следующее мгновение винтовка сорвалась с места и уперлась ему в шею оптическим прицелом, приперев его к стенке.

Он изо всех сил боролся с невидимой силой, пытаясь хотя бы немного ослабить давление для одного единственного спасительного вдоха. Но все его попытки спастись оказались напрасными. В конечном итоге он лишь оторвал крепление прицела, и винтовка с грохотом повалилась на пол. Только тогда мужчина осознал, что его душило вовсе не всё оружие целиком, а только металлический прут.

Спустя считанные секунды губы неудавшегося убийцы посинели, и он почти лишился сознания, но в этот момент давление на шею ослабло, даровав ему возможность наполнить лёгкие кислородом, который разжёг в его в душе крохотное пламя надежды на спасение. Однако этот огонёк моментально погас и случилось это в тот миг, когда ноги мужчины резко оторвались от пола.

Схватившись обеим руками за прут с одной стороны и за оптический прицел с другой, он ещё пару мучительных секунд умудрялся дышать, буквально подтягиваясь на этой своеобразной удавке. К этому времени Элиан уже ступила на школьный двор, и стоило ей бросить мимолётный взгляд на открытое окно его комнаты, как из неё донёсся сильный удар, обезглавивший мужчину.

— Ты идёшь? — с ухмылкой сказала Элиан, глядя в задумчивый профиль Хосино. Она замерла у школьных ворот и пристально смотрела в направлении трёхэтажного дома.

— Что-то не так? — сказала Эльке, складывая зонт.

— Нет, всё в порядке, — Хосино повернулась к ним, но на Элиан даже не взглянула. За секунду до этого её глаза лишились своего прекрасного сияния.

Элиан, сама не зная почему, была на седьмом небе от радости, когда они зашли за порог школы. Но совсем скоро улыбка с её лица исчезла, когда она ненароком уловила мысли учеников, толпящихся у шкафчиков со сменной обувью. Они все как один называли её сумасшедшей, которая пыталась покончить с собой и даже на это оказалась неспособна. Притом версия произошедшего почти у каждого сплетника отличалась. Одни думали, что она прямо на крыше перерезала вены и её чудом спасли. Другие, что это было сделано на лестнице и якобы уборщица до семи вечера старательно отмывала её кровь, но так и не смогла этого сделать. Притом многие, пока она спала в медпункте, даже водили экскурсии на крышу, показывая своим одноклассникам забрызганные кровью ступени. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в этой толпе нашлись и те, кто уже с самого утра начал распространять слухи о её кончине.

В какой-то степени всех их можно понять. Ведь поначалу даже Эльке решила, что это была попытка наложить на себя руки. По крайней мере в первые секунды случившегося девочка пришла именно к такому выводу, пока не увидела порезы на пальцах. Для остальных же Элиан была неудавшейся самоубийцей и с этим ничего уже поделать нельзя. Ей приходилось терпеть издёвки и косые взгляды до самого конца занятий. Однако она была искренне рада тому, что, благодаря своей силе, имеет возможность всё это услышать. Ведь в противном случае, Элиан никогда бы не узнала, с какими подонками ей приходится учиться. А так она только сильнее полюбила своих трёх подруг, которые если и думали о случившемся, то только с сочувствием и

любовью. Особенно в этом плане её удивила Айно, которая всегда строила из себя милитаризованную пацанку, а на деле оказалась настолько нежной и чувственной, что на протяжении целого дня не отходила от неё, тут и там предлагая свою помощь. А ведь Элиан в глубине души всегда недолюбливала её за слишком эксцентричный характер. Но теперь она полностью изменила своё мнение о ней и в конце занятий даже нежно обняла её, назвав хорошей девочкой и любимой подругой.

После полудня ветер разогнал облака и коль Элиан, уходя из дома, забыла надеть своё кепи, то домой снова шла с Эльке под ручку, укрываясь под её зонтом от солнца. Она прекрасно понимала, что в этом нет совершенно никакой необходимости, но спорить со своей излишне заботливой подругой ей не хотелось. В конце концов в такой прогулке было даже нечто принятое.

Хосино вновь распрощалась с ними у школьных ворот и на этот раз за ними никто не следил. Хотя Элиан ожидала появления очередного преследователя, поэтому безотрывно наблюдала своим восприятием за всей жилой зоной. Она уже наловчилась настолько, что для этого даже не требовалось былой концентрации. И ей это до безумия нравилось.

За всю первую половину дня было зафиксировано всего несколько нападений змей на человека. Элиан узнала об этом из разума Филипа Марлоу и сделала это случайно, когда пыталась разыскать его перед уходом из школы. Последнее, чего бы ей сегодня хотелось, так это ненароком встретится с ним. Но он целый день провёл в администрации, а это значит, что она может дышать спокойно. К тому же, в отличие от своей частички, Элиан решила не вмешиваться в историю со змеиным убийцей. Они могут и дальше убивать друг друга столько, сколько их грязным душам угодно, а она будет за этим лишь наблюдать. И вмешается только в том случае, если это безумие выйдет из-под контроля. Тогда она просто пойдёт и перебьёт их всех до единого, положив тем самым конец этой кровавой забаве. Ведь Диану всё равно уже нельзя сделать свободной. Но даже в случае, если ей это удастся, то ради чего? Ради того, чтобы эта бедняжка снова попала в грязное, падшее общество, и оно в очередной раз надругалось над ней? Искалечило и без того израненную душу? Элиан решила, что пускай уж лучше она всегда живёт рядом с ней. Только так её можно сберечь, сделать по-настоящему счастливой. А то, что какие-то ничтожества продолжают грызть друг другу глотки — это не её проблема. Она может помочь им только единственным способом, но тогда население двести тринадцатого сократится в несколько раз.

Элиан целый день размышляла об этом, иногда вспоминая о Энио, слабое присутствие которой порой ощущала. Однако она ни разу не дала о себе знать в открытую, что ни могло не радовать. У неё в душе даже начала теплиться надежда, что их вчерашняя встреча оказалась последней. И каждая подобная мысль очень смешила Элиан. Ведь она выказывает негатив и отвращение к тому, кто, по сути, с ней одно целое. Поэтому девочке хотелось как можно меньше думать о Энио и сделать всё возможное для предотвращения её появления. А ведь когда-то она неосознанно пыталась ей подражать. Элиан даже стало неловко при мысли об этом. Однако она ещё в школе придумала, каким образом избавится от этого мерзкого чувства стыда. И в этом ей посодействует любимая тётушка.

— Зайдёшь, хочешь кофе? — ласково сказала Элиан.

— Да, нет… Не-а, спасибо, — растерявшись, сказал Эльке. — У меня мамочка заболела. Хочу поскорее проведать её.

Это была абсолютная правда и Элиан в очередной раз умилилась доброте своей подруги. Она даже подумала как-то помочь, но у её мамы была лёгкая простуда, поэтому на прощание лишь обняла девочку и сказала:

— Пока-пока… Оставайся всегда такой же хорошей.

— Постараюсь, — немного смутившись, сказала она, — до завтра!

Элиан проводила свою очаровательную подругу взглядом и, широко улыбаясь, зашла в булочную. Тётя не сомневалась, что она по-прежнему злится и даже не поприветствует её. Однако опасения оказались преждевременными. Элиан с порога прокричала, что голодна и поинтересовалась насчёт количества посетителей. После чего игриво пообещала помочь, но не просто так, а в обмен на одну услугу.

— И что же ты хочешь?! — вне себя от радости сказала тётушка. В этот момент она была готова сорвать с неба солнце ради неё.

— Подстрижёшь меня?

— Подстричь? — удивилась тётя и распустила её хвостик. — Ты не так уж и заросла.

— Не-а, я хочу коротко, чтобы по плечи, а лучше ещё чуть короче. Вот, точно, как у Дианы!

— А чего это ты так решила?

— Ну, школьный врач сказал, что пальчики ещё не скоро заживут, а с длинными волосами столько хлопот. К тому же скоро лето, жара… Да и, по-моему, будет очень миленько.

Тётя не видела причин отказывать, решив, что так она действительно станет только милее. Поэтому с превеликой радостью согласилась. И Элиан, ухмыляясь, зашагала к себе, подумывая о том, чтобы научить свою юную питомицу читать.

http://tl.rulate.ru/book/35291/1127671